

историческая заслуга – дать японской литературе Чехова в тот момент, когда это было для неё особенно нужно»⁹, имея в виду обновление японской литературы и театра, происходившее в 1900 г. О том, что Сэ-нума Каё явилась не только первым, но и лучшим интерпретатором Чехова, свидетельствует и Накамура Ёсикадзу, посвятивший деятельности переводчицы обстоятельное исследование.

Нобори Сёму (1878–1958) по праву называют патриархом современной русистики. В 1904 г., через год после окончания православной семинарии, он опубликовал книгу о Н. В. Гоголе, а итогом его восьмидесятилетней жизни явились переводы и исследования русской литературы, составившие более сотни томов. В число авторов, которых переводил Нобори Сёму, входили Ф. Достоевский, Л. Толстой, М. Горький. Он познакомил японцев с такими писателями, как И. Бунин, А. Куприн, М. Арцибашев, Б. Зайцев, Л. Андреев, Ф. Сологуб. Самой важной работой Нобори Сёму как критика стал его капитальный труд «История русской и советской литературы» (Россия то советто бунгаку си), 1955 г. Он преподавал во многих учебных заведениях – в Токийской православной семинарии, Военной академии, университете Васэда – и составил многочисленные учебные пособия: «Новый самоучитель русского языка» (Син росияго дзисю кодза), 1932 г. в пяти томах, «Введение в русский язык» (Росияго нюмон), 1934 г. и другие.

Таким образом, Японская Православная Церковь, вырастив не одно поколение глубоких знатоков русского языка и России, внесла большой вклад в развитие и взаимодействие культурных связей двух стран. Богатая библиотека, издание художественных переводов способствовали тому, что русская литература завоевала прочные права гражданства в Японии. Г. Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX – начала XX в.» отмечала: «...после русско-японской войны появилась выразительная присказка: японцы победили русских в сражениях, сами же побеждены их литературой»¹⁰. Можно сказать, что стараниями Архиепископа Николая и его учеников в Японии была создана русистика.

Владыка Николай хотел, чтобы христианское учение в Японии стало японским православием, как оно стало греческим православием в Греции и русским православием в России. Ему удалось достичь всего этого, основав японскую православную культуру. Православие приобрело реальное значение в истории Японии. Духовное влияние Святителя Николая на японцев не было ограничено узкой сферой, но распространилось во всём обществе, где оно сохраняется и по сей день.

Надеемся, что и впредь ежегодник «Япония» будет собирать обильный урожай статей российских японоведов, небесным покровителем которых можно по праву считать Святого Николая Японского.

⁹ Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974, с. 454.

¹⁰ Там же.

«Теперь бы меня в НКВД не узнали...»: неизвестный источник о жизни русских в Токио в 1926–1927 годах

В. Э. Молодяков

В этой истории пока больше загадок, чем разгадок, больше вопросов, чем ответов, но если не задать вопросы сейчас, ответы не найдутся. Конечно, вводя в научный оборот новый источник, надо стремиться прокомментировать его как можно подробнее, но это не всегда оказывается возможным. Я решил не медлить с обнародованием своей находки, имея в виду важность не столько самого текста, хотя интерес к истории повседневной жизни сейчас велик, сколько контекста, в который он может быть помещен, а также возможность использования данного источника исследователями в России и в Японии.

Коллекционерская удача капризна: ей соответствует пословица «то густо, то пусто» – но усилия ищущего, как правило, вознаграждаются. Осенью 2011 г., когда я вносил последнюю правку в рукопись монографии «Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи» (М., 2012), в мое собрание попали шесть неопубликованных писем, отправленных в 1926–1927 гг. из Токио в Москву¹. Купленные в антикварном магазине бумаги оказались фрагментом семейной переписки, выяснить происхождение («провенанс», как говорят коллекционеры) которой мне не удалось. Использовать найденные документы в книге я не успел, но считаю их заслуживающими внимания, поскольку авторы писем оказались в интересном месте в интересное время.

Место действия – Токио (отправители) и Москва (получатель). Время – с 29 июня 1926 г. по 23 августа 1927 г. Адресат – Алексей Николаевич Животовский, проживавший вблизи Даниловского рынка по адресу: Татищева улица, дом 23 (не сохранился; сейчас нечетная сторона улицы заканчивается домом 17), квартира 2. Авторы писем – его мать, имени которой мы не знаем и потому, в соответствии с древней японской традицией, будем называть ее «мать Алексея» (вспомним «Митицуна-но хаха», «мать Митицуна»), а также ее дочь, сестра Алексея, «Леля», то есть Елена или Ольга. Что мы знаем о них? Практически ничего. Что мы можем узнать из писем? Немного (известные автору электронные базы данных не помогли), но попробуем извлечь из источника максимум информации. Это весьма увлекательный процесс.

¹ Далее письма цитируются с исправлениями исключительно пунктуационного характера.

На момент переписки Алексей Животовский – молодой человек, видимо, в возрасте от 20 до 25 лет. «Животовский» – фамилия относительно редкая, что сужает круг поисков, но не дает бесспорных результатов. Разумеется, первым делом приходит на ум банкир Абрам Животовский – дядя Льва Троцкого (брат его матери), в годы первой мировой войны связанный с Японией деловыми интересами в связи с военными закупками, но это, вероятно, ложный след. Отцом нашего героя теоретически мог быть Николай Николаевич Животовский, который в 1909 г. служил в неизвестной мне артиллерийской бригаде Императорской армии в чине штабс-капитана. Такой же чин, но в пехоте имел Георгий Николаевич Животовский – очевидно, брат предыдущего². Алексей родился в начале июня, так как в письме от 29 июня мать пишет о его недавнем дне рождения. Служил на неназванном «предприятии», которое в любой момент могут закрыть, – вероятно, на частном или кооперативном. Высшего образования на тот момент не имел. Осенью 1926 г. поступил на «подготовительные курсы» неназванного вуза, но весной следующего года вознамерился их бросить из-за окончания службы и отсутствия жалования. Воинскую повинность не отбывал. Вот, собственно, и всё. Ровным счетом ничего примечательного. Зато его токийские родственники намного интереснее.

Дипломатические отношения между Москвой и Токио были установлены в соответствии с заключенной 20 января 1925 г. Конвенцией об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии, известной как «Пекинская» (по месту подписания) или «Базовая». 20 февраля она была ратифицирована ЦИК СССР, 25 февраля – императором Японии. Обмен нотами о вступлении конвенции в силу состоялся в Пекине 26 февраля, обмен ратификационными грамотами – там же 15 апреля. 16 марта первый секретарь советского полномочного представительства (полпредства)³ в Китае Николай Кузнецов был командирован в Токио для подготовки к началу работы новой дипломатической миссии. Он получил у представителей МИД Японии и столичной мэрии ключи от здания бывшего посольства Российской империи, которые им месяцем раньше сдал последний «белый» поверенный в делах Дмитрий Абрикосов, категорически отказавшийся от каких-либо прямых контактов с «красными». Вскоре в Токио прибыли первые советские дипломаты во главе с полпредом Виктором Коппом, персонал торгового представительства во главе с торгпредом Яковом Янсоном⁴, сотрудники торговых

организаций и корреспондент ТАСС. В течение 15 месяцев после подписания конвенции на территории Японской империи (включая Корею и арендованную территорию на Ляодунском полуострове в Китае) также открылись восемь советских консульств⁵.

Таковы немногочисленные «красные русские» в Стране корня солнца. «Белые русские» (хаккэй росиадзин – данный термин был принят в официальном японском делопроизводстве) также были сравнительно немногочисленны, поскольку видели мало привлекательных сторон в японской жизни, особенно после Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г., почти полностью разрушившего Токио и Иокогаму. Не вполне определенным оставался и их правовой статус. «На заключительной встрече, состоявшейся 15 февраля 1925 г., министр иностранных дел Японии барон Сидэхара Кидзюро еще раз подтвердил Абрикосову намерение японского правительства оградить русских беженцев от возможных преследований, подчеркнув при этом, что главным условием их пребывания в Японии будет полный отказ от антибольшевистской деятельности»⁶. Требуемые гарантии были ему даны.

И здесь следует подчеркнуть, что обещание защитить эмигрантов (данное министром Абрикосову фактически в приватном порядке) довольно аккуратно выполнялось на протяжении всех последующих лет, невзирая на протесты со стороны посольства СССР, которое регулярно призывало эмигрантов принимать советское гражданство и возвращаться на родину. В случае отказа последних (как оно чаще всего и было, особенно в довоенные годы) японскими властями не принималось каких-либо серьезных мер по депортации россиян, что позволило Абрикосову уже на склоне лет отметить, что «Япония стала не худшей махемой русским беженцам», дав им в итоге приют и защиту»⁷.

Иными словами, русские в Японии были либо «белые», бежавшие от большевиков или не пожелавшие возвращаться под их власть, либо «красные», прибывшие из СССР в служебную командировку на определенный срок. К самой малочисленной «промежуточной» категории можно отнести таких людей, как художница Варвара Бубнова. В 1922 г. она вместе с матерью приехала в Японию по вызову своей младшей сестры Анны Оно, которая вышла замуж за японца. При переезде Бубнова сохранила советское подданство, но потеряла его в середине 1930-х

⁵ Подробнее: Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012. Гл. 10–11.

⁶ В соответствии со статьей 5 Пекинской конвенции, которая предусматривала «право каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по собственному желанию» и недопущение на своей территории деятельности лиц или организаций, представляющих угрозу для другой стороны, в том числе «претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны» (Прим. В. М.).

⁷ Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004, с. 169.

² Данные сайта www.rosgenea.ru со ссылкой на общий список офицеров за указанный год.

³ Так до 9 мая 1941 г. назывались все дипломатические представительства СССР в зарубежных странах.

⁴ Его часто смешивают (автор этих строк, к сожалению, не исключение) с Карлисом Янсоном, который в то же самое время представлял в Японии Коминтерн и Профинтерн под «крышей» сотрудника отдела бюро печати полпредства.

годов и восстановила лишь после второй мировой войны (вернулась в СССР в 1958 г.).

Токийские Животовские, с одной стороны, «красные»: «Леля» не только служила в советском торговом учреждении, но и занималась «общественной работой». С другой стороны, в семье отмечали Пасху, но скорее как привычный домашний, нежели как религиозный праздник. Мать Алексея не работала и занималась домашним хозяйством, хотя в одном из писем обмолвилась: «Если у меня будет личный заработок, то буду к тебе время от времени приезжать». Служба «Лели» обеспечивала всю семью: мать, маленького сына «Кику» (видимо, Кирилла), родившегося в 1924 г., и японскую бонну. Животовские снимали отдельный дом, но обратный адрес на конвертах не указан. «Леля» и ее мать переписывались с Алексеем по обычной почте, т. е. не пользовались ни дипломатической почтой, как большинство сотрудников полпредства и торгпредства, ни оказиями, к которым прибегали те, кто не хотел компрометировать себя или адресата. В известной мне переписке, действительно, нет ничего такого, что могло бы заинтересовать «компетентные органы» обеих стран, но в СССР уже присматривались к письмам от «соотечественников» из-за границы. В Японии шпиономания и боязнь «красных» хоть и не достигли пика ксенофобской паранойи второй половины 1930-х годов, но уже прочно вошли в жизнь и быт: «В 1926 г. всякий советский гражданин воспринимался японским правительством как потенциальный шпион»⁸.

Из первого письма мы узнаем: «Леля поступила на новую службу 10 мая (1926 г. – В. М.) и, следовательно, 10 ноября ей будет 1/2 года. Тогда она думает начать хлопотать об отъезде, ее обещали через полгода отпустить. Если энергично приняться за это дело, то, конечно, отпустят, так что, думаю, к Рождеству мы сможем вернуться. Служба Лелина находится в том же здании, где и раньше она служила, и даже вместе с одной из прежних сослуживиц. Вообще, перемена чувствуется очень мало, но Леля все-таки хочет по приезде домой постараться устроиться на прежней службе. Здесь не ее лично сократили, а должность, которую она занимала, т. е. ей бы нужно было ехать назад. Но дело в том, что это всё вышло внезапно, и хотя ей бы дали денег на проезд, но здесь полагается только половина, а остальное в Москве. Раньше давали больше на проезд, но теперь убавлено, и так как нужно было бы расплатиться со всеми, то почти ничего бы и не осталось на то, чтобы купить что-нибудь хотя бы самое необходимое, и неизвестно, что бы было в Москве».

В Токио «Леля» служила «по торговой части». «Готова с поводом и без повода отстаивать свои чужие права, – писала она брату. – Теперь

бы меня в НКВД не узнали». Значит, в Москве она работала в Народном комиссариате иностранных дел и была отправлена в Токио в командировку от этого ведомства. В одном из писем она пояснила: «Хотелось бы, конечно, закончить свое образование, но это вопрос далекого будущего, и не сейчас разрешать его. Почему-то мне кажется, что я все-таки буду учиться». Легко предположить, что и в полпредстве, и «по торговой части» она была техническим сотрудником (в списках советских дипломатов в Японии за эти годы женщины не значится), машинисткой или стенографисткой. Если же данное предположение верно, получается, что простого технического сотрудника НКВД отправляли в далекую заграничную командировку, позволив взять с собой мать и маленького ребенка (о муже «Лели» или отце ребенка ни в одном из писем не говорится даже намеком), и положили такое жалованье, что на него можно было снимать дом (и вообще разрешили жить за пределами полпредства или торгпредства!), содержать семью и японскую бонну и постоянно предлагать деньги брату, чтобы он спокойно учился, как это неоднократно делала и мать Алексея. Для истории советской дипломатической службы 1920-х годов, да и более позднего времени, ситуация, мягко говоря, маловероятная, но объяснить это автор статьи не берется.

В Токио Животовские жили экономно, но не бедствовали. «Эта зима довольно холодная, – сообщала мать Алексею 17 февраля 1927 г., – и по ночам мы мерзнем, у нас в доме замерзает вода. Я встаю в 6–30 утра и зажигаю керосиновую печь – тогда температура поднимается, а самое лучшее обогревание – это солнце, которое здесь всегда греет, так что днем, если день ясный, всегда тепло. Ночью у нас в доме бывает очень холодно – мы из экономии не затапливаем печки, но и то недавно Кирочка простудился и немного кашлял, поэтому надо было и ночью затопить печь». Замечу, что японцы и сейчас, не говоря уже об описываемом времени, часто экономят на обогреве в зимний период, так что переживавшиеся Животовскими лишения не были чем-то из ряда вон выходящим. «Вы думаете все, – многозначительно заметила «Леля» в письме к брату 7 января 1927 г., – что нам здесь так уж хорошо живется... не лучше, чем вам, глубокоуважаемые!». Возникает резонный вопрос – как жилось Алексею в Москве? Судя по одному из писем, квартиры, в которой он проживал, была не коммунальной, а закреплённой за Животовскими. Мать тревожилась: «Когда тебе призываться? Как дела с нашей квартирой? Я тебе писала, что ее можно забронировать, но надо иметь от тебя какие-нибудь определенные известия, а то не вышло бы какого-либо недоразумения».

На ребенке они не экономили. «Он гуляет со своей Опоней (как он ее называет), – продолжала мать в письме от 17 февраля 1927 г., – во всякую погоду и даже в дождь, если только он небольшой; тогда они идут под большим бумажным японским зонтом, и картина очень

⁸ Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. // Пильняк Б. Корни японского солнца. Савелли Д. Борис Пильняк в Японии, 1926, М., 2004, с. 183. Приведенные исследователем данные красноречиво подтверждают справедливость этого вывода.

умильная: японка в кимоно под зонтом и рядом с ней за руку наш Кирушка путешествует». Не отказывали они себе и в других, типично японских радостях жизни: «Сейчас (письмо от 28 марта 1927 г. – В. М.) зацвели вишни, а это здесь большое событие – цвет вишни священный. Мы все собираемся поехать в Уэно-парк, там масса вишен и зоологический сад. Киручка все просится туда, но, к сожалению, как праздник (т. е. выходной день – В. М.), так дождь. Да кроме того надо всегда что-нибудь купить, и поедешь в город в магазины, потом уже ночь куда-нибудь еще ехать. Вчера были в Хибия-парке (это в центре города), там есть немного зверей, и Кирушка получил удовольствие. <...> Киручке вчера купили две вязаных кофточки, здесь они очень дешевы. Жаль, что на твой (Алексея – В. М.) рост и размер в Японии вещей не имеется. Если бы ты жил здесь, то тебе всё пришлось бы делать на заказ».

Примечательная деталь: в сохранившейся части переписки нет ни одной жалобы на «трудности перевода». Владели ли мать и дочь японским языком? Во всяком случае, проблем с этим у них, похоже, не возникало, что тоже не слишком типично для тогдашних «гайдзинов».

Еще одна деталь, бросающаяся в глаза при чтении писем: в них полностью отсутствуют упоминания о культурных или духовных интересах корреспондентов, кроме вопроса о продолжении образования (мы даже не знаем, какого именно). Не берусь делать из сказанного какие-либо выводы, но отметить это необходимо. Вместе с тем письма матери Алексея показывают в ней человека, способного остро чувствовать разлуку с сыном и беспокоящегося, что «за эти два года ты совсем отвык от меня». Последняя фраза из письма от 23 августа 1927 г. позволяет примерно датировать начало их разлуки, то есть, вероятно, отъезд матери и «Лели» из Москвы в Японию.

Самый интригующий сюжет в переписке – тема возвращения на родину. Эта перспектива их не только не пугает – напротив, мать Алексея мечтает приехать в Москву чтобы повидать сына, добавляя: «Надо надеяться, что это первый и последний раз в жизни; больше я от тебя уезжать не буду. <...> Знай, что где бы ты ни служил, я обязательно, как только приеду, отправлюсь к тебе; я уже заранее заявила Леле, что возьму себе отпуск, а может быть, и все к тебе приедем повидаться». «Приехавшим из Японии уже ничто не покажется далеко», – пояснила она. О поездке из Токио в Москву мать пишет как о вполне будничном деле, сетуя лишь на некоторую нехватку денег и на то, что «Лелю» не отпускают со службы.

«Меня зовут переходить в Полпредство, – сообщила сама «Леля» брату 10 февраля 1927 г., – но т. к. это связано с пребыванием в Японии еще не менее года, то я решительно отказалась. Будь, что будет в Москве. Если даже я и останусь без работы, как-нибудь какую-нибудь работу найду; я что-то никак не могу представить себе такого положения, чтобы совершенно остаться без заработка. Здесь только один вопрос

для меня очень существенный, а именно: работа в П<олпредст>ве или в НКВД для меня во много раз интересней работы по торговой части». «Думаю, что уже самое позднее мы должны быть в Москве в конце мая, – писала Алексею мать 17 февраля 1927 г. – Я по крайней мере всё время об этом хлопочу (перед кем и в каком качестве? – В. М.). Лелю очень уговаривают опять перейти в П<ол>предство – но тогда, конечно, нужно еще оставаться здесь по крайней мере на год, а это нам не улыбается, и Леля отказалась». Действительно, в то время некоторые советские дипломаты просили перевести их из Японии – в основном из-за тяжелого климата⁹, а отъезд в Москву не воспринимался как наказание. Иными словами, еще не наступило то время, когда в экземпляре «Записных книжек» Ильи Ильфа (М., 1939), находившемся в библиотеке советского полпредства в Токио (ныне в собрании автора этой статьи), читатели старательно отчеркивали на полях фразу: «Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу» (запись 1928 г.; с. 67).

Можно предположить, что уход «Лели» из полпредства и нежелание возвращаться туда на службу могли быть связаны не только с необходимостью оставаться в Японии (от этого она, как видно по письмам, не слишком страдала), но и с обстановкой внутри этого учреждения. Обратимся к мемуарам Григория Беседовского «На путях к термидору», который как раз в эти годы был советником полпредства и поверенным в делах. Свидетельства перебежчиков (Беседовский написал эту книгу после того, как в 1929 г. стал «невозвращенцем») – не лучший источник, однако это единственные воспоминания о жизни и работе советских дипломатов и технического персонала полпредства в Японии в описываемое время, поэтому пренебречь ими нельзя. Итак, весна-лето 1926 г.; пояснения в скобках даны автором статьи.

«В токийском полпредстве полным ходом шла совершенно невероятная склока, главными действующими лицами которой являлись полпред Копп и военный атташе латыш (Яков) Янель, красный генштабист. Я застал склоку в “развернутом” виде и не знал ее “истоков”. Передавали, что начало склоки положила жена Янеля, молодая дама, обидевшаяся на Коппа за недостаточно внимательное отношение к ее “правам дипломатической дамы”. Надо отдать справедливость Коппу: в грубости он не уступал своему другу Литвинову. <...> Как всегда бывает, наиболее горячее участие в склоке приняла дамская половина полпредства, полностью ставшая на сторону мадам Янель против Коппа. Жизнь посольства была совершенно отравлена. Сотрудники глядели друга на друга зверями, устраивали друг другу гадости, писали доносы. Представитель ОГПУ Сверчевский плавал в этой обстановке, как рыба в воде. Он принимал доносы от обеих враждующих сторон, поощрял, как мог,

⁹ Например, поверенный в делах Г. З. Беседовский и полпред В. С. Довгалевский в течение одного только 1927 г.

доносителей. <...> Так как одной из опор Коппа был (третий) секретарь посольства (Альфред) Аустрин, то против него был устроен настоящий заговор, и, когда он мирно диктовал очередной доклад машинистке в своем кабинете, к нему ворвался вдруг Сверчевский в сопровождении одного из сотрудников посольства, жениха машинистки, ревновавшего ее к Аустрину, и поднял скандал с обвинением Аустрина в том, что он диктовал машинистке на чересчур близком расстоянии от ее плеча и что это есть «злостное использование служебного положения в половых целях...»

В такой обстановке вопрос был вынесен на общее собрание ячейки и дебатировался в продолжение нескольких дней, причем ячейка вынесла компромиссную резолюцию: «Признавая факт чересчур близкого нахождения т. Аустрина от машинистки во время диктовки доклада, считать недоказанным, что это произошло на почве использования им своего служебного положения». Если принять во внимание, что Аустрин был женат, а машинистка, очень милая и порядочная девушка, собиралась выходить замуж, легко себе представить, с каким остервенением обсуждали эту резолюцию кумушки из полпредства и торгпредства»¹⁰.

Оказавшиеся в моем собрании документы – не более чем фрагмент семейной переписки, но остальная ее часть, видимо, утрачена безвозвратно, а потому поставленные вопросы рискуют остаться без ответов. Ключ к разгадке может находиться среди материалов японской полиции по надзору за иностранными гражданами, в числе которых – в рутинном порядке – были и Животовские. Но это уже следующий этап исследования.

Япония как судьба и призвание

*К 75-летию доктора исторических наук профессора Э. В. Молодяковой**

И. Л. Тимонина

Среди российских японоведов доктор исторических наук профессор Эльгена Васильевна Молодякова, которой 29 июля этого года исполняется 75 лет, занимает особое место. Она входит в число ведущих специалистов по современной Японии, является одним из лучших знатоков этой страны в России и выдающимся организатором японоведческих исследований (да простится мне казенная формулировка, но точнее не скажешь). Скрамная, неизменно корректная и доброжелательная, какой коллеги знают Эльгену Васильевну по многолетней совместной работе, ОНА вряд ли согласится с подобной оценкой, разве что процитировав слова своего любимого Маяковского: «Мой труд вливается в труд моей республики». Но сделанное ей на ниве японоведения – даже в виде сухого перечня трудов – говорит само за себя.

Время и место рождения Эльгены Васильевны выглядят символично. Она родилась 29 июля 1937 г. – ровно через полвека после Сигэмицу Мамору, который 2 сентября 1945 г. в качестве министра иностранных дел подписывал Акт о безоговорочной капитуляции Японии, а затем занимался восстановлением дипломатических отношений между Токио и Москвой, и день в день с Хасимото Рютаро, возглавлявшим японское правительство в 1996–1998 гг. Выступая перед японской аудиторией, профессор Молодякова иногда представляется родившейся в 12-м году Сёва, одновременно с «Китайским инцидентом» 1937 г., который разросся в японо-китайскую войну, – то есть очень давно. На свет она появилась не слишком далеко от страны своей будущей специализации, хотя тогда это казалось другой планетой, – в поселке Черное Озеро Ольского района Магаданской области – и получила свое экзотическое имя в честь реки Эльген, притока реки Колыма. «1937 год» и «Колыма» сразу вызывают определенные ассоциации, но в данном случае они неверны. Отец будущего японоведа Василий Павлович Лазарев, выпускник Московского института инженеров транспорта 1931 г., отправился работать на Дальний Восток по распределению и поступил на службу в «Дальстрой»,

¹⁰ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997 (впервые: Париж, 1931), с. 178–179.

* В статье использованы материалы бесед и интервью с Э. В. Молодяковой, цитирующиеся без сносок.